

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГОЛОС ЕВРАЗИИ

Прогулки с Велимиром Хлебниковым по «волжскому тексту»: к 130-летию со дня рождения поэта

Yrd. Doç. Dr. Aleksandr LYUSI*

РЕЗЮМЕ

Явление Пушкина, по словам Герцена, стало ответом России на брошенный ей исторический вызов Петра I. Феномен Хлебникова оказался адекватным ответом на ещё более радикальный вызов (вызов - вызову) современному ему земляку-волжанину со среднего течения - Ленина. Пушкин разбудил такую, открытую Владимиром Топоровым мыслительную реальность, как Петербургский текст русской литературы. Хлебников в значительной мере творчески существовал в пространстве Волжского текста. Евразийское поэтическое мышление Хлебникова исследуется в статье сквозь призму данного текста.

Ключевые слова: хронотоп, геопоэтика, революция, локус, текст, ризомное мышление, пространство.

POETIC VOICE OF EURASIA

Walks with Velimir Khlebnikov in "the Volga text": to the 130 anniversary since the birth of the poet

ABSTRACT

The phenomenon of Pushkin, Herzen's words, became the answer of Russia to abandoned her historical calling of Peter. The phenomenon Khlebnikov was an adequate answer to an even more radical challenge (call – to call) contemporary countryman-Volzhanin with middle course - of Lenin. Pushkin was awakened by this open Vladimir Toporov mental reality, as the St. Petersburg text of Russian literature. Khlebnikov largely creatively existed in the space of the Volga text. Eurasian poetic thinking of Khlebnikov is investigated in the article through the prism of this text.

Keywords: chronotope, geopoetics, revolution, locus, text, rezanoe thinking, space.

Если «Пушкин – наше всё», то Хлебников – *сверхвсё*, поскольку «не больше», чем поэт, и не меньше, а – *сверхпоэт*. Короче, позволим себе неологизм (*необогизм?*) собственного (пере)производства - *сверхвсёц*. К тому же, в пространственном преломлении – *единоволжец*, *единоволжец мореречи*, о чем ниже и пойдет речь.

Как и у Пушкина, главным героем Хлебникова стал язык, язык в пространстве, времени и вечности России, при всей проблематичности («*можебности*») указанных реальностей. Т.е. язык как таковой, практически безотносительно (в отличие от Пушкина) к собственно поэтической субстанции. Язык от Хлебникова, подобно Пугачеву, покинул уютное пространство культуры и ушел в метель, облаченный в «пугачевский тулупчик». Впрочем, все же в

*Статья написана при поддержке грантов РГНФ: № 15-03-00581 «Освоение репрезентаций пространства в культурных практиках: история и современность» и № 15-33-14106 «Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры (проблема Другого)».

*Yrd. Doç. Dr. Aleksandr LYUSI, Yeni Rusya Üniversitesi, Kültüroloji Bölümü, allyus1@gmail.com

тулупчик, какой ни какой артефакт культуры, не столько «пугачевский», сколько пушкинский же, из неё, из «Капитанской дочки». Но он тоже был снят, под ним открылся предыдущий исторический персонаж, основоположник бунта, того, который, получается, не «бессмысленный и беспощадный». «Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории» (Puşkin 1937, 13: 120).

Мы говорим о Пугачеве, подразумеваем Разина. Работая по какой-то «гринёвской» обязанности над «Историей Пугачева», Пушкин то и дело невольно возвращался к мыслям о Разине. О Пугачеве же – с одной стороны, «не приведи увидеть русский бунт». С другой – «Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием» (Puşkin 1978b, 8: 178). Т.е. этот бунт, в отличие, от разинского, напоминал «нашествие» извне. Бегство, которое казалось нашествием – может, это и есть формула русской истории в поэтическом измерении, о необходимости которых Пушкин размышлял в неопубликованной при жизни, но ставшей особенно популярной в последнее время рецензии на второй том «Истории русского народа» Н. Полевого в августе 1830 года, - что «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада» (Puşkin 178a, 7: 100).

Гизота (так был обозначен французский историк и государственный деятель Франсуа Гизо, 1787-1874) пока нет, но появился вполне приемник по бегству-нашествию Хлебников с безразмерным, как из пушкинской сказки, мешком своих формул континуального и континентального мышления. О специфике такого мышления по-разному размышляли философ Василий Налимов и литературовед Юрий Тынянов.

Явление Пушкина, по словам Герцена, стало ответом России на брошенный ей исторический вызов Петра I-го. Хлебников оказался адекватным ответом на ещё более радикальный вызов (вызов - вызову) современного ему земляка-волжанина со среднего течения. Пушкин разбудил такую, открытую Владимиром Топоровым мыслительную реальность, как Петербургский текст русской литературы. Хлебников в значительной мере творчески существовал в пространстве Волжского текста. Аналогом Петербурга стала Астрахань, «окно в Евразию», «узел России, Турана и Ирана», по словам Д. Святополка-Мирского, назвавшего город самым голым, самым онтологическим из русских городов, окруженным стихиями - пустыней и водой (Svyatopolk-Mirski 2002: 129). И здесь ключ к Хлебникову. Водные лабиринты дельты реки с тихими коридорами камышей в устьях и десятками песчаных отмелей превращают этот город в своеобразный иероглиф распаханного пространства и сгустившейся истории, породив своего «гения дельты», по определению Василия Голованова (Golovanov 1999), с тем типом мышления, которые уже во второй половине XX-го века французские философы назовут *ризомным*.

Времыши - камыши

на озера береге,

Где каменья временем

Где время камнем?

Здесь томонимически и футурологически завязывается такой узел русской истории:

И в звуках имени Хвалынского

Живет доньне смерть Волынского...

Это формула конфликта между двумя культурами - Петербургом и Астраханью, поскольку Каспийское море называлось раньше Хвалынским (по имени племени хвалисов), а рифмующийся с этим словом Волынский – государственный деятель, боровшийся с временщиком Бироном при императрице Анне Ивановой за петровское наследие.

И еще неведомый концепт «смерти автора» имел в этих распахнутых к пустыне и воде пространствах конкретное историческое содержание: «Первая заглавная буква новых дней свободы так часто пишется чернилами смерти». («Октябрь на Неве»). «И пусть моровые чернила / Покроют листы бытия...» («Ладомир»). Реплика *Всесущини* (олицетворенного Искусства?): «Можебная страна велика, и кто узнал рубежи?». Можебная страна – это то самое, бесконечное по определению, пространство *генотекста* (Paşin 2002), «умное пространство», совмещающее в себе и загробный мир посмертного бытования, и континуум многомерных, иномерных вселенных, и воронкообразное пространство перехода, и ещё не открытые локальные тексты.

В «Зангези» он набрасывает гео-анатомический и гео-поэтический автопортрет из пирамиды собственного черепа.

Мой череп - путестан. где сложены слова,
Глыбы ума, понятий клади.
И весь умерших дум обоз,
Как боги лба и звери сзади,
Полей неведомых извоз.

В свержповести «Азы из Узы (Единая книга)» он дает картину единого, наполненного разнообразными метаморфозами, течения общечеловеческого текста через книги и реки:

Я видел, что черные Веды,
Коран и Евангелие,
И в шелковых досках
Книги монголов
Из праха степей,
Из кизяка благовонного,
Как это делают
Калмычки зарей,
Сложили костер
И сами легли на него —
Белые вдовы в облако дыма скрывались,
Чтобы ускорить приход
Книги единой,
Чьи страницы — большие моря,
Что трепещут крылами бабочки синей,
А шелковинка-закладка,

Где остановился взором читатель, —
Реки великие синим потоком:
Волга, где Раина ночью поют,
Желтый Нил, где молятся солнцу,
Янцекиянг, где жижа густая людей,
И ты, Миссисипи, где янки
Носят штанами звездное небо,
В звездное небо окутали ноги,
И Ганг, где темные люди — деревья ума,
И Дунай, где в белом белые люди,
В белых рубахах стоят над водой,
И Замбези, где люди черней сапога,
И бурная Обь, где бога секут
И ставят в угол глазами
Во время еды чего-нибудь жирного,
И Темза, где серая скука.

Род человечества — книги читатель,
А на обложке — надпись творца,
Имя мое — письма голубые.

В последней своей записной книжке он вновь использует этот свой излюбленный мотив, помещая его в «темпоральный» ряд: «Со временем, когда мы станем богом, речные русла всех мыслей будут течь с высоты единой мысли. Но мы не боги, а потому будем течь как реки в море общего будущего. Оттуда, где расположен опыт каждого, то течь Волгой, то Терек<ом>, то Яиком в общее море един<ого> буд<ущего>» (Pertsova, Rafayeva 1999: 81).

Особый речной фактор в истории и культуре человечества был концептуализирован известным швейцарским географом и социологом русского происхождения Львом Мечниковым (1838—1888) в книге «Цивилизация и великие исторические реки» как определяющий. Английский историк А. Тойнби трактует начавшуюся в бассейне Волги геополитическую деятельность России по своему территориальному расширению на восток в рамках понятий вызова и ответа. В XIII веке был брошен сильный и продолжительный вызов монголо-татарского нашествия, ответом которому явилось становление нового образа жизни и новой социальной организации (Тоунбее 1991: 140). Это позволило впервые в истории цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников, но и начать ответное движение. Особенность этого движения заключалась в том, что русский крестьянин и дровосек, издавна знакомый с традицией скандинавского мореплавания, были мастерами речной навигации. Научившись у кочевников верховой езде, они не позабыли своих исконных навыков и именно с помощью ладьи, а не коня проложили путь в Евразию (Gordeyev 1993: 24). На тогдашней мировой «шахматной доске» на вызов коня ответом стал ход ладьи.

Однако, отвечая на внешний вызов, Россия в то же время бросала и сущностный вызов самой себе. Волга (ранее – Ра, Итиль) изначально, практически в момент ее цивилизационного пересечения, образовала роковой водоворот русской истории и культуры. «Гением места» (нижне)волжского хронотопа стал не волжский разбойник Ермак, нашедший свое геополитическое

государственное применение восточнее, а Степан Разин, хотя в какой-то степени его Персидский поход можно назвать репетицией аналогичного похода Петра I-го (но скорее, сопоставляя литературные отражения этих предприятий, скорее хлебниковского участия в походе).

Согласно Мечникову, подобно тому как большие реки впадают в море, речные цивилизации должны рано или поздно погибнуть, будучи поглощенными более широким потоком, либо развиться в более обширные морские цивилизации. Приводится конкретный пример:

«Город Александрия не замедлил возникнуть у устья Нила, как только почва для его возникновения оказалась достаточно подготовленной и соседние нации стали иметь возможность заняться мирной, упорядоченной работой. Однако уже истощенный народ бывает иногда не в состоянии победоносно пройти эту новую стадию развития; он может уже не обладать достаточным запасом энергии и жизненности, и центр цивилизации переходит в другую область. Так было и в данном случае: Александрии не суждено было сделаться центром морской египетской цивилизации; она не была даже чисто египетским городом; главными хозяевами Александрии были греки; энергии египтян хватило лишь на исполнение части мировой культурной задачи» (Мефніков 1995: 333-334).

Не сыграл ли в какой-то степени Петербург в устье склонной к вполне «нильским», но недостаточно дисциплинирующим ввиду неритмичной непредсказуемости разливам Невы для имперской России роль, аналогичную роли Александрии для эллинистического Египта? При том, что в русской культуре прижилась традиция отождествления с Нилом Волги, квинтэссенцией чего стало повествование Василия Розанова «Русский Нил», а из этого «Нила» всплывает - Астрахань.

Тексты, издавна бытовавшие на Волге, характеризуются прежде всего духом вольности и удалства, а не апологией размеренной трудовой деятельности. По всей вероятности, это самое вызывающе адисциплинарное пространство России. В то же время уже с исторических песен XVI века, отражающих расширение границ пространственного мышления средневековья, Поволжье становится отправной точкой для последующего приращения Русского государства. В лице Ермака волжская вольница, пройдя через куда более дисциплинирующее уральское «заводское» пространство, находит в Сибири государственно-строительное применение. В известном смысле Волга сыграла в период общемировых морских географических открытий XVI века и связанных с ними территориальных приобретений многих европейских государств роль внутреннего моря или даже океана с неизбежной «пиратской» составляющей, хотя данное море не отделило метрополию складывающейся империи от колониальной периферии, что осложнило становление национального государства.

Обозначение Волги как моря нередко встречается в поэзии, высшее выражение найдя в стихотворении Николая Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море»), написанном в Симбирске в 1829 году. Как и в случае с Петербургским текстом, Пушкин, используя «наработки» предшественников, четко и компактно выразил формулу Волжского текста в ее верхнем, нижегородском «течении». Для Онегина Нижний Новгород — прежде всего «отчизна» гражданина Минина — и российского преломления законов Адама Смита в Макарьевской ярмарке.

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина. Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.

Действительно, в XIX веке этно-хозяйственный волжский котел закипел возможностями новых качеств и синтезов.

Характеристика расположенной в устье Волги Астрахани в поэме В. Хлебникова «Хаджи-тархан» (1913) перекликается с отмеченными выше пушкинским образом: «И город спит, и мир заснул, // Устав разгулом и торговлей. Но это, как отмечено выше, противоречивая преемственность.

В течение всего XIX века Волга продолжала оставаться в фольклоре символом широты души и свободы, нормативность же обернулась «остывающим» образом «реки рабства и тоски» (Н. Некрасов). В художественной прозе XIX века доминировали два полюса парадигмы Волжского текста: саморазрушительный бунт — и столь же исчерпывающая себя домашняя лень. Волжская «грешница» Катерина из «Грозы» А. Островского — женский (и волжский) русский аналог Гамлета и Фауста с Маргаритой в одном лице. Действие романа Ивана Гончарова «Обломов» происходит в хронотопе безвременности, что освобождает его от власти времени и перемещает в вечность: в век мира, невинности и вечной юности. Реальное время не имеет власти над героями, снимая тем самым антиномию конечности (финитизм) и бесконечности (инфинитизм). Сон Обломова является локусом памяти Рая. В мифопоэтическом толковании Обломовка (в «Обрыве» — «опять» Малиновка) — райский сад, органическая форма совместного существования Бога и человека, равновесие природы и культуры.

Образ Волги возникает у Розанова в статье с символичным, при всей неоправданности такого символизма, названием «Революционная Обломовка». Предполагая, что в «Обломовке» благодаря ее лучшим «обломовским» качествам «революция наша идет не только не неизменнее, но она идет гораздо чище и лучше, нежели шла целых шестьдесят лет теория революции» (Rozanov 1979: 204—212). Как критик «революционной Обломовки» сам Розанов оказался вполне Обломовым. Ведь волжская практика с быстро преобразованными для революционных нужд баржами вскоре оказалась куда ужасней постулируемой волжской «теории».

Известное заявление уроженца волжского города Симбирска молодого революционера В. И. Ульянова «*Мы пойдем другим путем*» происходит из ставшей «русской марсельезой» песни «Утес Стеньки Разина» (в просторечьи - «Есть на Волге утес...»), авторская версия которой А. Навроцкого впервые явилась в «Вестнике Европы» в год рождения будущего Ленина (Bulkina 2006). Однако именно своеобразную «обломовщину» распознал в Ленине знаменитый Рудольф Штайнер, утверждая, что тот желал победы Германии в войне с Россией из-за некоторой лениности мысли, ожидая, что свобода будет принесена в Россию на германских штыках (Steiner 1980: 204).

В косвенном соответствии с этим наблюдением Хлебников создает набросок портрета Ленина в стихотворении «Вы, привыкшие видеть жизнь».

Вы видали, как разложение слова
 На мелкие земельные владения
 Зарницею лени
 Оглавила Госпожа Ленин?
 В Ряве она мною дана.
 Луч из будивремен, из Будимира
 Сверкал как чернила под пером Велимира.
 А Ленин оглавил разложен(ие)
 Простр(анства) России, торг и труд
 В их мелкие единицы.
 Вы видали, как копье
 Событий вороча(лось) во мне рукой оттуда?

В то же время логика поэтического мышления создавала необходимость медиализирующей фигуры Разина. Если Маяковский «чистил» себя «под Лениным», то Хлебников очищал своего внутреннего «обломова» и пытался, по мере возможностей, очистить синхронные действующие лица истории с помощью вывернутого Разина, «Разина со знаменем Лобачевского».

Образ Волги разбойничьей у В. Хлебникова обновляется («Это парус рекача...», «Обед», «Ра - видящий очи свои...»); с волжским разбойником отождествляет себя и лирический герой поэта («Не шалить!», 1922). Собственно, само словесное творчество мыслится им в образах «волжского текста»: «Я слова бурного разбойник, / Мои слова - кистень на Волге!» («Зангези», 1920-1922). Искусство слова, по наблюдению С.В.Шешуновой, уподобляется Волге и в стихотворении Клюева «Проснуться с перерезанной веной...» (1918 или 1919), хотя ассоциируется здесь с образом не разбойника, а бурлака: «Не забыть бы, что песня - Волга, / Бурлацкий, катанный сказ!» (Хлебников 1987: 567-568). Мотив же разбойничьего разгула на Волге настолько укоренился в национальной ментальности, что сохраняет свою актуальность и через несколько веков после исчезновения традиционных разбойников.

И в звездной охоте
 Я звездный скакун,
Я — Разин напротив.
 Я — Разин навыворот (Şeşunova 2006: 350).

Идеологический мотив «разинского» «взятия» Москвы «в пугачевском тулупчике» противоположен геопозитическому направлению за пределы Москвы: «Не зубами - скрипеть / ночью долгою - / Буду плыть, буду петь // Доном-Волгою».

Я верю: разум мировой
 Земного много шире мозга
 И через невод человека и камней
 Единою течет рекой,
 Единою проходит Волгой.

Хлебников и теоретически и практически увлечен революцией, но он видит и запечатлевает «самоедскую» составляющую революции.

Волга! Волга!
 Ты ли глаза-трупы
 Возводишь на меня?
 Ты ли стреляешь глазами
 Сел охотников за детьми,
 Исчезающими вечером?
 Ты ли возвела мертвые белки
 Сел самоедов, обреченных уснуть,
 В ресницах метелей,
 Мертвые бельма своих городов,
 Затерянные в снегу? (Hlebnikov 1987: 156-157).

Поэзия Хлебникова – попытка извлечения квадратного корня из разинской «нет-единицы», что напоминает критическую философическую «алгебру» Розанова, для адекватного восприятия которой в тогдашней России не нашлось много читателей.

«На гордом уструге “нет-единицы” плыть по душе Разина по широким волнам, будто по широкой реке, среди ветел и вязов, сидящих бакланов, среди плавающих баб-птиц, править челн поперек волне, поперек течению, избрав Волгой его судьбу, точно орел жестким клювом, оконченную плахой, но дав жизни другое течение, обратное относительно звезд над нею, перерезая время, наперекор ему, от калмыцких степей к Жигулям, плывя через шумящий поток его Я. И скрягой считать прозрачные деньги волн, плеск волн, когда призрачный уструг “нет-единицы” тихо плывет по реке Разина поперек естественного течения природы времени его Я, в искусственном направлении, среди черных Жигулей воли, от низовьев простой головы, лежащей в своей думе на секире, под расстрелом глаз вдруг задумчивой толпы, до истоков жизни молодого донца в Соловках, перерезавшего поперек всю Россию, всю русскую равнину, чтобы подслушать северные речи, увидеть северные очи, в поисках северного бога, бога Севера, до пути молодого донца на Днепре, где, стоя над омутом, выкликал, языческой удалью глаз весело вызывал из голубой волны русалок, прижимавших к водяным кудрям столько громких имен из древни<x> летопис<ей>. Недаром хохочут холмы: “Сарынь на кичку!” и оси корня из мнимой “нет-единицы” русалок протянуты к “да-единице” <людей>.

— Эй! Двойник-Разин, садись в лодку Меня, из коры моих суток, на скамейку моей жизни.

Отрицательный голубой Двойник-Разин, пепел заклятий сыплется на тебя из моих рук.

Будь черной пашней сохе моей воли, точно покрытая бляхами уздечка, надетая на голову дикого коня-неука, покоришься моей воле!» (Hlebnikov 1987: 567-568).

«Сарынь на кичку» — древний призыв волжских разбойников. Абсолютно точное его значение не установлено – то ли это боевой клич, то ли призыв отступить, то ли рекомендации бурлакам выдать хозяина судна и убраться («сарынь» – унижительное название артели бурлаков или толпы рабочих людей, то же, что «сволочь», «кичка» - передняя часть судна) (Boyarkin 1828: 352—353), то ли повеление ложиться всем на кичку, пока происходит грабеж, то ли

приказание собрать золото (эрзянская версия - «сырне кочкамс»). А в историософской поэтической алгебре Хлебникова это элемент уравнения по извлечению энергетических смыслов из пространства и времени.

Нам нужен постоянный поиск верного угла сердца и мысли к Хлебникову, чтобы понять, что он стал поэтическим голосом всей Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

BULKİNA, İ., (2006), V.İ. Ulyanov i S.T. Razin: // **Kirillitsa, ili Nebo v almazah**: Sbornik k 40-letiyu Kirilla Rogova a// <http://www.ruthenia.ru/document/539851.html>

GOLOVANOV, V. (1999), Geniy del'tı // **NG-Ekslibris**. 18.11.1999. El. resurs: http://www.ng.ru/ng_exlibris/1999-11-18/3_delta.html

GORDEYEV, A.A. (1993), **İstoriya kazakov**. Moskva: Strastnoy bul'var.

MEÇNİKOV, L. İ. (1995), **Tsivilizatsiya i velikiye istoričeskiye reki**. Moskva: Progress: Pangeya B.

PAŞİN, D. (2002), Smert' i Tekst: sluçay Hlebnikova // **Topos**. 14.07: <http://www.topos.ru/article/415>

PERTSOVA, N. N. i A. V. RAFAYEVA, (1999), O posledney zapisnoy knijke V. Hlebnikova //II, **Vestnik Obşçestva družey Velimira Hlebnikova**. Moskva, 68-91.

PUŞKİN, A. S. (1937), **Pis'mo Puşkinu L. S., pervaya polovina noyabrya 1824 g. Mihaylovskoye** // Puşkin A. S. Polnoye sobraniye soçineniy: V 16 t. Moskva, Leningrad: İzdatel'stvo AN SSSR, 1937—1959, t. 13, Perepiska, 1815—1827, 120—121.

PUŞKİN, A.S. (1978a), **Vtoroy tom "İstorii russkogo naroda" Polevogo** // PUŞKİN, A. S. Polnoye sobraniye soçineniy: V 10 t. L.: Nauka. Leningr. otdeleniye, 1977—1979, t. 8, Kritika i publitsistika, 97—100.

PUŞKİN, A. S. (1978b), **İstoriya Pugaçeva** // Puşkin A. S. Polnoye sobraniye soçineniy: V 10 t. — L.: Nauka. Leningr. otd-niye, 1977—1979, t. 8, Avtobiografiçeskaya i istoričeskaya proza. İstoriya Pugaçeva. Zapiski Moreau de Brasey, 107—248.

ROZANOV, V.V. (1979), Revolyutsionnaya Oblomovka // **Noviy jurnal**. New York, № 35, 204—212. El. resurs: <http://users.kaluga.ru/kosmorama/oblomovka.html>

Svyatopolk-Mirski D. P. (2002), **Poeti i Rossiya: Stat'yi. Retsenzii. Portreti. Nekrologi**. SPB.: Aleteyya.

TOYNBEE, A. J. (1991), **Postijeniye istorii**, M.: Progress.

HLEBNİKOV, V. (1987), **Tvoreniya**. M.: Sovetskiy pisatel'.

ŞEŞUNOVA, S.V. (2006), **Natsional'niy obraz mira v russkoy literature (P .İ. Mel'nikov-Peçerski, İ. S. Şmelev, A. İ. Soljenitsın)**. Avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uçonoy stepeni doktora filologiçeskih nauk. Dubna.

STEINER, R. (1980), **Mysterienwahrheiten und Weihnachtsimpulse**. Alte Mythen und ihre Bedeutung. Bibliographie-Nr. 180. Dornach/Schweiz, 9-28.